

УДК 94(470.5)"19"

ББК 63.3(235.55)6

ВАК 07.00.02

Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: genakorn@mail.ru

ДИНАМИКА И ИНТЕНСИВНОСТЬ АГРАРНОГО ПЕРЕХОДА: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Историографический анализ выявил различные методологические интерпретации аграрной истории России в XX веке. В статье обосновывается новый методологический подход, предполагающий выявление трансформаций в экономической, социальной, политической, демографической, культурной сферах села, их эволюции и траектории, динамике и интенсивности. Такой подход способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях развития аграрной сферы и сельского социума России в XX столетии.

Ключевые слова: модернизация, аграрная сфера, сельский социум, трансформация, агенты модернизации, региональное измерение.

Kornilov Gennady Ye. Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

DYNAMICS AND INTENSITY OF THE AGRARIAN TRANSITION: A REGIONAL DIMENSION

Abstract. Historiographical analysis has revealed different methodological interpretations of Russia's agrarian history in the 20th century. This article substantiates a new methodological approach to the matter, which is supposing the exposure of transformations in the countryside's economic, social, political, demographical, and cultural spheres, their evolution and paths, as well as their dynamics and intensity. Such an approach is conducive to give the more profound views on both regularities and particularities in developing the agrarian sphere and rural society of Russia during the 20th century.

Keywords: modernization, agrarian sphere, rural society, transformation, agents of modernization, regional dimension.

Особенностью аграрно-исторических исследований в России последнего двадцатипятилетия является особое внимание к теоретико-методологическим аспектам отечественной аграрной истории. Связано это с тем, в советский период историко-аграрные исследования характеризовались детальной разработкой только отдельных ее аспектов. Главное внимание уделялось классовой борьбе в деревне, развитию производительных сил, колхозно-совхозному строительству, формированию класса колхозного крестьянства. Разработка этих тем осуществлялась на основе доступных исторических источников, чаще на материалах съездов, конференций и пленумов ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. В значительной степени свободный научный поиск подменялся историками толкованием партийных догм. В этом отношении классическим трудом является работа С.П. Трапезникова [77].

Тем не менее некоторые ученые давали свою интерпретацию ключевых аспектов аграрной истории России / СССР. В Институте истории СССР АН СССР под руководством В.П. Данилова сформировался ещё в условиях «оттепели» коллектив историков-аграрников: И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, М.А. Вылцан и др.

Демократизация в СССР, кризис аграрной сферы обусловили особый интерес к аграрной истории. С конца 1980-х гг. установились тесные научные контакты с зарубежными учеными – Т. Шаниным, М. Левиным, С. Уиткрофтом, Р. Маннинг, Л. Виолой, А. Береловичем, Н. Вертом, Х. Окудой и др. Изучение российского крестьянства на Западе было осложнено отсутствием доступа к советским архивам, однако западные коллеги имели преимущество перед советскими историками в свободе научного поиска. Они выработали подходы, отличающиеся и от традиционных марксистских схем советского обществоведения, и от современных модернистских построений. Они имели единое позитивистско-сциентическое видение исторической реальности, рассматривая ее линейно

(монизм). Для зарубежной аграрной историографии характерен отход от моделей тотальной истории. Её развитие проходило в общем контексте становления методологии «социальной истории». Главным ее направлением стала повседневная история народа, рассказанная живыми «голосами снизу», а не изложенная в интерпретации политических элит. Несомненным достижением западной науки стало утверждение в качестве самостоятельного направления историко-аграрных исследований – крестьяноведения. Оно явилось одним из локальных видов социокультурного подхода.

«Материальной» основой активизации аграрных исследований и международного сотрудничества стала «архивная революция». С конца 1980-х гг. открылись закрытые архивы, многие секретные фонды. Историческую науку захлестнула настоящая «архивная лихорадка» [64, с. 69 – 74; 65, с. 118 – 138].

В.П. Данилов, благодаря своему научному авторитету среди отечественных и зарубежных исследователей, сумел организовать международные проекты с целью получения новых знаний по аграрной истории России XX века на основе всестороннего изучения архивных документов, а также выработки адекватной методологии исследования. Наиболее крупными проектами были «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939 гг.» [60; 61; 62; 63], «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 гг.» [68; 69; 70; 71; 72; 73], «Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг.» [44], «Изучение социальной структуры российского села», «Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» и др. Важным результатом этих проектов было то, что они дали мощный толчок региональным историко-аграрным исследованиям. Под их прямым и опосредованным влиянием основные идеи апробировались в виде диссертаций, статей и монографий. Слабым местом исследований по аграрной истории являлось недостаточное использование современных методов исследования, недостаток теоретико-методологических разработок.

В этом смысле заметным явлением научной жизни 1990-х – начала 2000-х гг. была работа теоретического семинара “Современные концепции аграрного развития”, проводимого Институтом российской истории РАН и Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентр) [57]; организация издания ежегодника «Крестьяноведение. Теория. История. Современность» [43]. В 8-ми выпусках представлены результаты исследований, посвященным междисциплинарным аспектам изучения сельской жизни России и мира. Помимо традиционной крестьянской проблематики публикуются материалы об аграрной политике и экономики, о проблемах местного самоуправления, региональных особенностях развития сельских территорий.

Теоретические поиски в области изучения аграрной истории свидетельствовали о преодолении концептуальных стереотипов советской историографии. Особое место заняли работы В.П. Данилова, в которых прослеживается развитие аграрных отношений в России в длительной исторической ретроспективе [17]. Многочисленные аграрные перестройки в нашей стране, по его мнению, - “суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления” [14, с. 310]. Несколько позже В.П. Данилов конкретизировал этот тезис и определил их как “...потрясения крестьянской страны, вступившей на путь индустриально-рыночной модернизации”. Реформы и революции в России заняли особенное место в историческом процессе, “стали определять характер не только аграрной эволюции, но и общий ход истории России” [15, с. 3, 4]. В.П. Данилов выделил и особенности модернизации в России: “Исторические судьбы страны второго или даже третьего “эшелона” перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь “догоняющего” развития, усиливали роль и без того гипертрофированной государственной власти”. В.П. Данилов отметил и факторы, которые тормозили модернизационные процессы: “Бросается в глаза сильнейшее влияние посторонних интересов (государственных, господствующих классов и т. п.) – посторонних тем задачам, которые реформы были призваны

решать. С этим была связана прежде всего, их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в “соревновании” стран, идеологическими устремлениями – самодержавно-патриархальными, социалистическими или, как ныне, либерально-буржуазными” [16, с. 20, 21].

В последние годы в историографии аграрной истории России выделяются два направления. Вологодские историки М.А. Безнин и Т.М. Димонивыдвинули концепцию государственной «капитализации» сельского хозяйства как особого российского способа аграрной модернизации [12, с. 94 - 121]. Они утверждают, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала, предложили классификацию типов крестьянской зажиточности. «Крестьянский» тип зажиточности, характеризующийся, по их мнению, потребительской ориентацией, сохранял свои позиции до середины 1950-х годов. Со второй половине 1950-х гг. происходило становление типа зажиточности «протобуржуазного», который формировался в процессе раскрестьянивания. По мнению авторов, в 1950-е гг. в «значительной степени» и в 1960-е гг. «по ряду характеристик» сформировался ранний госкапитализм в российской деревне (а в отдельных случаях они называют капитализмом), и одновременно шел процесс формирования протобуржуазии (якобы сформировавшейся к началу 1990-х годов) [11, с. 23 - 44]. На наш взгляд, отождествление колхозной эпохи с эпохой капитализма в российской деревне не перспективно ни в теоретическом, ни в практическом смысле. Аграрного капитализма в классическом виде в России в XX веке не наблюдалось.

Другим направлением историко-аграрных исследований, представленных трудами С.А. Есикова [20, с. 94 - 100; 21, с. 468 - 479; 22, с. 152 - 161; 23], В.А. Ильиных, В.В. Кондрашина [29, с. 37 - 44; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39], В.А. Лабузова [45], Л.Н. Мазур [46, с. 160; 47, с. 63; 48; 49; 50], В.В. Наухацкого [53; 54; 55], О.А. Суховой, В.В. Филатова [75; 76; 77] и др., является изучение процессов в российской деревне в

рамках концепции модернизации. Историки исследуют трансформацию аграрной сферы России, сельскохозяйственного производства, ее результаты и последствия, изменения в политических и социальных отношениях, в поведении и менталитете крестьянства. В.А. Болдырев, не отрицая модернизации постоктябрьской деревни, называет ее «фрагментарной» и определяет ее как преобразования, которые охватили только отдельные сферы жизни государства и общества, но не были направлены (сознательно или невольно) на комплексное их изменение [13, с. 98].

Новосибирский историк В.А. Ильиных, анализируя сущность и основное содержание реализуемых в Сибири в XX веке моделей аграрного развития, считает, что в условиях 1930 – 80-х гг. происходило огосударствление аграрного строя страны. Организационно-производственной его основой стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы [24, с. 644; 25; 26; 27]. Формирование аграрных моделей перспективно, однако оно применимо к конкретно-историческим периодам, иначе не ясным остается длительная динамика процессов в аграрной сфере, сложно выявляются агенты модернизации и их цели.

Безусловно, нельзя однозначно оценивать результаты модернизации российской деревни. Модернизация в России советского периода насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью народа; ее успехи были достигнуты за счет насилия, дешевого принудительного труда, прежде всего крестьян-колхозников. Модернизация носила догоняющий и очевидный военно-политический характер. Она не решала многих задач классического варианта (создание рынка товаров, капиталов и труда, обеспечение свободы личности, создание механизма саморазвития).

Однако отрицать ее невозможно. Модернизация являлась мировой тенденцией XX столетия, это, как отметил академик В.В. Алексеев, было явление цивилизационного масштаба [9, с. 266]. Россия вошла в XX век аграрной страной, вышла из него страной индустриальной. Процессы модернизации определяли

все сферы жизни и деревни, другое дело, в какой форме они происходили, какие приоритеты были на различных ее этапах, к каким результатам они привели.

Аграрная сфера является базисным элементом устойчивости любого общества. Нестабильность аграрного строя, несоответствие уровня развития сельского хозяйства стоящим перед страной внешнеполитическим и внутривнутриполитическим задачам, осознание необходимости его радикальной трансформации стали одной из главных побудительных причин революционных событий в 1905 г., в 1917 г., в начале 1990-х гг. Несмотря на предпринятые в их рамках попытки преобразования аграрных отношений, аграрно-крестьянский вопрос в России столь же актуален в начале XXI века, как и в начале XX века. Исторический опыт XX столетия показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих особенности сложившихся историко-географических, историко-экономических, историко-культурных реалий.

Трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначим термином “аграрный переход” [40, с. 507 – 515; 41, с. 286 – 316; 42, с. 136 - 144]. В ходе аграрного перехода происходило: утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, сельской электрификации, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитие рыночных отношений и кооперации (**экономическая трансформация**); изменение типа воспроизводства сельского населения, ломка сельской патриархальной семьи (**демографическая трансформация**); демократизация общественно-политической жизни, участие крестьянства в политических процессах, партиях, движениях (**политическая трансформация**); преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрение грамотности крестьянства, внедрение городской культуры и городских ценностей, секуляризация сознания и образа жизни (**культурная**

трансформация); формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий, особенно механизаторов, специалистов сельского хозяйства (**социальная трансформация**); изменение сельской поселенческой сети (**трансформация сельского расселения**).

Направления, темпы развития и формы проявления компонентов агроперехода были обусловлены и конкретизировались конкретно-исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов.

Модернизационные процессы в российской деревне можно условно разделить на три фазы: 1-я – конец XIX – середина XX в.; 2-я – середина XX в. – конец 1980-х гг.; 3-я – начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг. В основу периодизации положен комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села. Концепция позволяет рассматривать аграрную трансформацию России с позиции континуитета, непрерывности процесса.

На первой фазе в значительной мере содержание агроперехода определяла система земледелия, точнее переход от экстенсивных систем к интенсивным. Земля является основным и неизменным средством производства в сельском хозяйстве. В первой фазе агроперехода преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства. Вплоть до середины XX в. В силу огромных неосвоенных земельных массивов России перед крестьянством не стояли задачи повышения плодородия почв, проблема была лишь в восстановлении плодородия земель. Площади под зерновыми культурами выросли в России с 62,9 млн га в 1913 г. до 68,2 млн га в 1953 г. (на 8,4%). Рост посевов шел в основном за счет посадок картофеля, овощей и кормовых культур. Урожайность зернобобовых культур незначительно сократилась: в 1913 г. она в среднем по стране она составляла 8,0 ц с га, в начале 1950-х гг. – 7,0 – 7,6 ц с га, урожайность картофеля выросла на 20% [59, с. 496 - 500].

К началу агроперехода большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшем собственное потребление. При неблагоприятных погодно-климатических условиях, несмотря на внедрение системы

обеспечения народного продовольствия, часто вспыхивали голодовки (1901, 1906, 1911 гг.). Этот фактор в 1921-22 гг., усугубленный разрухой после Гражданской войны, а также продовольственной политикой большевиков, вызвал страшный голод. Осуществление сталинской “революции сверху” – коллективизации сельского хозяйства вызвали кризис сельского хозяйства, привели к голодовке 1932-33 гг. Разруха в результате войны 1941-45 гг. привела к голодовке 1946-47 гг. На первой фазе агроперехода не была изжита присущая традиционному обществу черта – периодически вспыхивавшие голодовки, особенно если неурожай продолжался два года подряд.

Социально-политические катаклизмы влияли на аграрный переход, однако не могли его остановить, придавали ему специфические черты. В силу того, что сельскохозяйственное производство периодически восстанавливало то уровень 1913 г., то 1928 г., то 1940 г., а ныне 1990 г., его развитие проходило в значительной степени на экстенсивной основе. Специфичность агроперехода особенно на первой фазе, проявилась в его затяжном характере, что было связано с войнами, революциями. Крестьянские хозяйства вынуждены были постоянно возвращаться к архаичным и экстенсивным системам земледелия с целью выживания. Роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения практически не происходило. В колхозную эпоху отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Крестьянство в XX веке оставалось самой бедной частью населения.

Результатом трансформации аграрной сферы в первой фазе агроперехода было раскрестьянивание. Этот процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей. Крестьянство постепенно утрачивало свои классовообразующие признаки и свойства. Раскрестьянивание имело две стороны – внутреннюю и внешнюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьян. Особенностью этого процесса было преобладание политико-идеологических факторов, существенно его ускорявших. В конце 1950-х гг. в

сельской местности РСФСР проживало 48% всего населения, наибольшее сокращение произошло в Северо-Западном районе до 35%, в Центральном – до 39%, в Уральском – до 44% [52, с. 361, 362].

Наиболее динамичный, ярко проявившийся процесс внешнего раскрестьянивания дополнялся внутренним – изменением форм жизнедеятельности крестьянства, разрушением традиционного образа жизни. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывало культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей. Постепенно утрачивались специфические черты и особенности крестьянства как социальной группы. Раскрестьянивание – очень длительный процесс, результат агроперехода. Ему противостоял ряд факторов: удаленность от крупных городских центров, слаборазвитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни.

Российская деревня за первую половину XX века очень изменилась. На этой фазе агроперехода быстрыми темпами шла ломка уклада сельской жизни – разъединялись сферы труда и быта, бывшие веками слитными; уходил в прошлое размеренный ритм деревенской жизни, во многом определявшийся ритмами природы и сезонностью сельскохозяйственных работ, освящаемых и одухотворяемых церковью, теперь он больше зависел от распоряжений властей; постепенно исчезала локальная замкнутость “мира деревни”, сокращавшая возможность контактов. Однако переход к преимущественно индустриальному развитию не привел к гармоничным взаимоотношениям между городом и деревней, к индустриальному аграрному развитию. Однобокость этого процесса вела к дальнейшему раскрестьяниванию. Модернизация аграрной сферы оказалась “странной”, поскольку не произошло качественного улучшения жизни селян.

На первой фазе агроперехода четко выделяются два этапа: до 1930-х гг. и 1930 – 50-е гг. На первом этапе общий земельный фонд в России практически не изменился, на втором – в связи с интенсивным индустриальным освоением и ростом городского

населения, а также расширением сельскохозяйственных посевов существенно увеличился. В 1930-е гг., когда сложился комплекс предприятий сельскохозяйственного машиностроения, началась эпоха механизации и механизации сельскохозяйственного труда. Намечается процесс перехода от конно-ручной тяги к механизации основных сельскохозяйственных операций. Внешне аграрный переход протекал на этой стадии под лозунгом социалистических преобразований, но его направленность и решаемые задачи были связаны с коренной сменой форм собственности, внедрением крупных форм организации сельскохозяйственного производства, с интенсификацией аграрного производства в целом. Колхозы и совхозы стали определять производство сельскохозяйственной продукции (производили около 90% валовой продукции растениеводства). В условиях колхозно-совхозного строя стало уделяться большое внимание повышению урожайности полей на основе улучшения агротехнических приемов: введению севооборотов, внесению в почву органических удобрений, посевов сортовыми семенами, сокращению сроков проведения сельскохозяйственных кампаний. В пригородных районах стала создаваться картофеле-овощная и мясо-молочная зоны. Эти элементы интенсификации позволили поднять урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства.

В 1930-е годы в условиях господства крупных форм организации сельскохозяйственного производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В.Р. Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольно-травяную). Восстановление и повышение плодородия почв пытались осуществить биологическим путем, с помощью многолетних трав или через систему севооборотов. Одновременно в ряде регионов намечается вытеснение зернового трехполья интенсивной системой полеводства. Чисто зерновое хозяйство уступало место сельскохозяйственному производству с развитым животноводством, возделыванием технических и зерновых

культур. Об этом свидетельствует изменение в структуре посевов. Повсеместно проводилась опытническая работа по районированию сортов семян сельскохозяйственных культур и бонитировка скота.

В годы Великой Отечественной войны оказались потеряны те элементы интенсификации земледелия, которые активно насаждались в довоенный период. Деревня была резервуаром резервов и ресурсов для развития промышленности. Сельское население в годы войны являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что обусловило значительный отток людских ресурсов из деревни

В аграрной политике послевоенного времени можно выделить следующие направления: расширение посевных площадей коллективных хозяйств, увеличение поголовья скота и машинного парка, введение новых форм организации и оплаты труда, электрификация села, наконец, укрупнение хозяйств. Последнее мероприятие можно считать стержневым направлением аграрной политики, так как идея превосходства крупного производства над мелким по аналогии с промышленностью оставалась базисной в концепции развития сельского хозяйства.

Рост армии и городского населения тяжелым бременем лежал на аграрной экономике. Многопольные (6 - 8-польные) севообороты в регионе были нарушены, их восстановление осуществлялось только в конце 1940-х – 1950-е годы. Не было прогресса в совершенствовании сельскохозяйственной техники – восстанавливаемые тракторные и другие заводы сельхозмашиностроения ориентировались на выпуск довоенных моделей. Существенный удар по внедрению интенсивных сельскохозяйственных технологий был нанесен “лысенковщиной”, объявившей войну новым методам селекции и семеноводства. В силу объективных и субъективных факторов на первой фазе агроперехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

Прогрессивные тенденции аграрного развития в послевоенные годы проявились в практике полезащитных лесопосадок, расширении использования органических и минеральных удобрений. Во второй половине 1940-х годов развернулась электрификация села путем строительства малых гидроэлектростанций, с 1953 г. колхозы стали подключаться к государственным электросетям [28, с. 632 - 636]. Однако становилось ясно, что экстенсивные системы земледелия исчерпали свой потенциал, справиться с продовольственным обеспечением выросшего городского населения аграрная сфера региона уже не могла. Необходимо было внедрение интенсивных технологий сельскохозяйственного производства, которое не состоялось на первой фазе аграрного перехода. Колхозники были самой материально неблагополучной группой советского населения. Факторами, тормозящими улучшение материального состояния колхозников, являлись: жесткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве, ограничение личных хозяйств. Колхозники не имели заинтересованности в расширении общественного производства. Они не стали носителями модернизационных изменений. На второй фазе агроперехода (1950-80-е годы) носителями модернизационных изменений наряду с механизаторами выступали специалисты сельского хозяйства, их доля среди занятых в аграрной сфере неуклонно росла, однако все большую роль начинала играть сельская номенклатура (включавшая руководителей хозяйств, сельских партийных функционеров, советских руководителей).

Противоречивость ситуации в аграрном секторе заключалась в том, что достигнутые производственные результаты не облегчили тяжелое экономическое положение хозяйств и колхозников. Конфискационная заготовительная и налоговая политика подрывала внутренние ресурсы аграрной экономики. Не оставалось возможностей даже для простого воспроизводства. В начале 1950-х гг. произошло сильное сокращение сельскохозяйственного производства. Одной из причин нарастающего кризиса стало массовое укрупнение колхозов. Оно достигло столь значительных масштабов (по

СССР было укрупнено 79,3% сельхозартелей), что фактически переросло рамки просто организационных изменений и оказало влияние на все стороны жизни деревни [47, с. 63]. Оно осуществлялось административными методами, мнение колхозников чаще всего не учитывалось. Как и во времена коллективизации, в деревнях стали забивать скот, растаскивать колхозное имущество. Процесс укрупнения, как правило, сопровождался дополнительным увеличением земельных угодий колхозов. На Урале при серьезном недостатке трудовых ресурсов на селе и плохом техническом оснащении увеличение земельных площадей хозяйств вело к нерациональному использованию угодий, а нередко и к запустению ранее обрабатываемых участков.

В результате увеличение земельных фондов сельхозартелей, налоги и размеры государственных поставок, натуральной оплаты МТС выросли, одновременно возросли затраты на внутренние коммуникации, а значит, и себестоимость продукции, выросла убыточность колхозного производства [66, с. 98]. Укрупнение колхозов не было экономически оправдано: еще не существовало достаточных факторов для создания в массовом порядке крупных специализированных хозяйств, а форсирование этого процесса поставили хозяйства в очень сложную ситуацию.

Пересмотр основных направлений аграрной политики был предпринят в сентябре 1953 г. на пленуме ЦК КПСС [2, с. 385 – 429]. Аграрный вопрос находился в центре внимания правительства в течение десятилетия. Н.С. Хрущев был полон решимости осуществить в короткое время мощный рывок в области сельского хозяйства, поднять на новый уровень благосостояние народа. Этот фактор и комплекс мер по переводу сельского хозяйства на индустриальные основы позволяют выделить особый период второй фазы аграрного перехода. Основные направления властей были направлены:

- на изменение принципов налоговой и заготовительной политики, направленных на повышение материальной заинтересованности крестьян,

- на увеличение капиталовложений в сельское хозяйство,

- на внедрение новых принципов планирования, способствовавших развитию местной инициативы,
- на организационные преобразования (ликвидация МТС, перевод колхозов в совхозы, укрупнение хозяйств, образование совнархозов),
- изменение социально-экономического статуса крестьянства (введение паспортов, пенсий, минимума оплаты труда).

Однако нехватка зерновой продукции и сложность международной обстановки вновь заставили правительство приступить к расширению посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель. В их освоение было вложено за 1954 – 1959 гг. 37,4 млрд руб. Было освоено около 45 млн га земель, в 1,5 раза увеличилось производство зерна – с 8,1 млн до 12 млн т в среднем за год [59, с. 185]. Многочисленные ошибки, допущенные в ходе этой кампании, высокая цена, заплаченная за хлеб, а возможно и преждевременность столь масштабных действий не позволили решить хлебную проблему. Становилось ясно, что экстенсивные формы развития сельского хозяйства исчерпали свой потенциал. С 1963 г. СССР впервые стал завозить зерно из-за границы.

В 1950-е годы выросла техническая оснащенность колхозов и совхозов. Тракторный парк вырос в 1,9 раза. Механизация основных сельскохозяйственных работ в уральских областях была выше, чем по стране и приближалась к 100%-му рубежу.

Активно продолжалась электрификация уральской деревни. К 1960 г. две трети колхозов и почти все совхозы были электрифицированы. В 1960-е гг. электрификация продолжалась, главным образом, путем возведения трансформаторных подстанций для использования тока от высоковольтных линий электропередач. Электрификация деревни позволила использовать электроэнергию для приготовления кормов, для водоснабжения ферм, хозяйства внедряли доильные аппараты.

В плане трансформации сельского хозяйства несомненный интерес представляет попытка изменения принципов планирования. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров

СССР “Об изменении практики планирования сельского хозяйства” (март 1955г.) предусматривался новый порядок планирования сельскохозяйственного производства, в котором отправной точкой служил объем товарной продукции [3, с. 52 - 58]. Был заявлен принцип, что планирование должно начинаться непосредственно в колхозах, МТС и совхозах. Исходя из государственного плана заготовок и закупок, они сами должны были определить размер посевов под соответствующие культуры, количество скота. Новый порядок способствовал пробуждению инициативы хозяйств в разработке планов. Однако на деле принципы, заявленные в постановлении, не получили развития. Продолжалось навязывание сверху структуры посевов, часто не соответствовавших местным природно-климатическим условиям, хозяйствам спускались в директивном порядке задания по распахке под посевы многолетних трав и чистых паров, плановые задания, как и раньше часто менялись, выдавались различные дополнительные задания. Частичные попытки реализовать постановление на практике наталкивались на противодействие административной системы. Планирование оставалось централизованным, сводя на нет экономические стимулы сельского хозяйства. На этом этапе агроперехода административный аппарат выступил тормозом модернизации.

Попытки добиться подъема в аграрной сфере опирались на организационные мероприятия, которые должны были в какой-то мере компенсировать недостаток экономических стимулов. В этом отношении заслуживает внимания крупные акции, имевшие для деревни весьма неоднозначные последствия. Это – реорганизация МТС и передача техники в колхозы; новая волна укрупнения хозяйств и преобразования колхозов в совхозы; реформа органов управления.

В 1958 г. февральский пленум ЦК КПСС постановил реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические (РТС), а технику передать на определенных условиях в колхозы [3, с. 316 – 322]. Для облегчения покупки техники колхозам списывали задолженности прошлых лет, выдавали кредиты. Основная часть МТС была преобразована в

МТС еще до начала весенне-полевых работ 1958 г. Такая поспешность создала массу проблем: хозяйствам часто передавалась неотремонтированная техника, для работы на машинах в хозяйствах не хватало механизаторов, возникали авралы с материально-техническим снабжением и ремонтом приобретенной техники. Создание собственного машинно-тракторного парка не могло не отразиться на экономике колхозов – существенно возросли расходы хозяйств, поспешность, с которой прошла реорганизация МТС, спровоцировала огромное количество финансовых, технических и организационных проблем.

Реорганизация МТС подтолкнула процессы, связанные с концентрацией производства, объединением хозяйств в более крупные организационные формы. Наряду с укрупнением колхозов с 1954 г. в нарастающем темпе проходил перевод колхозов в совхозы. Для многих слабых хозяйств это имело положительное значение, так как работники получали в совхозах более высокий и стабильный заработок. Были предприняты меры для укрепления экономического положения новых хозяйств. Однако в число вновь созданных совхозов попадали и сильные в экономическом отношении колхозы. Для них реорганизация не дала положительных результатов, даже, напротив, в ряде новых хозяйств после преобразования наблюдался спад производства. При этом необходимо отметить, что государственные хозяйства в 1930-1950-е гг. в целом были более убыточными, чем колхозы, всегда находились на дотации государства. Реализация этой программы имела скорее идеологическую привлекательность, так как государственные формы хозяйствования были, по мнению властей, более передовыми и прогрессивными, чем коллективные. В условиях “победы социализма” коллективные хозяйства должны были исчезнуть. Во второй половине 1950-х гг. возрастает роль совхозов в аграрном секторе.

Конец 1950-х – начало 1960-х годов были наполнены постоянными попытками с помощью “чуда”, “волшебного средства” добиться таких урожаев, которые должны были продемонстрировать миру все преимущества социалистической

экономики. Это происходило на фоне разворачивавшейся “зеленой революции”. Таким волшебным средством была и знаменитая кукуруза, и борьба с травопольными севооборотами. Бездумное внедрение всех этих нововведений встречало отпор со стороны людей, болеющих душой за судьбу деревни. Известный курганский полевод Т.С. Мальцев, тщательно изучив вековые традиции крестьянской культуры, разработал агротехнические методы выращивания высоких урожаев в условиях Урала. Центральное место среди них он отводил сохранению паров и обработке почвы безотвальным плугом и методом поверхностного рыхления, которые не разрушают структуру почвы, препятствуют испарениям влаги. Эти методы позволяли получать стабильные урожаи при любых погодных условиях на землях с небольшим плодородным слоем в степных и лесостепных районах. Борясь за сохранение чистых паров, Т.С. Мальцев убеждал, что валовой сбор урожая пшеницы в каждые 5 - 6 лет будет выше, если земля один год будет находиться под паром [51].

Итоги дискуссии о пользе и вреде травопольных севооборотов и чистых паров были неутешительными, вопрос решили не ученые, а чиновники. Пятая часть пашни была занята кукурузой, бобовыми и свеклой. Травопольная система объявлялась тормозом развития земледелия. Чистые пары были полностью ликвидированы. В результате внедрения такого севооборота снизилась урожайность, росла засоренность полей, усилилась эрозия почвы. [67, с. 31].

Н.С. Хрущев начал борьбу с личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) крестьян, которые рассматривались как тормоз, мешающий развитию общественного хозяйства. ЛПХ отвлекали внимание и силы от колхозного производства и способствовали росту частнособственнических настроений. Наступление на приусадебные хозяйства проявлялись в урезке земельных участков и сокращении поголовья домашнего скота. Такое отношение к крестьянскому хозяйству привело к аграрному кризису начала 1960-х гг. В крестьянских хозяйствах создавалась значительная часть сельскохозяйственной продукции [18, с. 101].

Несмотря на все изменения, которые принесла с собой в деревню коллективизация, крестьянское хозяйство сохранилось и выполняло важнейшую функцию – обеспечение крестьянской семьи необходимыми продуктами. В середине века личное подворье оставалось основным источником формирования бюджета и потребления колхозников. Крестьянский двор в целом сохранил черты традиционного семейного хозяйства: многоотраслевую структуру, полунатуральный характер, использование трудового потенциала семьи. Домохозяйство включало семью, землю, скот, инвентарь, жилые и хозяйственные постройки. Гонения властей на индивидуальные хозяйства обострили продовольственную ситуацию. В начале 1960-х гг. особенно в крупных городах возникли перебои в снабжении хлебом, молоком, мясом. Цены на продукты питания выросли в среднем на 30%. Карточной системы удалось избежать, благодаря начавшимся массовым закупкам зерна за рубежом.

Стремление исправить ситуацию, перевести аграрную экономику на качественно новый уровень отразились в комплексе мер, принятых во второй половине 1960-х годов. Знаменательным стал мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г., на котором было заявлено о переходе к твердым долговременным планам заготовок сельскохозяйственных продуктов, повышении заготовительных цен, изменении принципов налогообложения колхозов и совхозов (налоги стали начислять не с валового, а с чистого дохода) [4, с. 502 – 505]. Деятельность предприятий предложено было оценивать по уровню их рентабельности. Был провозглашен курс на интенсификацию и специализацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и освоение новых земель. Изменилось и отношение к личным приусадебным хозяйствам, ограничения их деятельности, введенные в конце 1950-х гг., были признаны ошибочными, а местным властям предписывалось оказывать помощь населению в обзаведении скотом, обеспечении кормами, обработке земли.

Интенсификация сельского хозяйства требовала крупных капиталовложений, проведение комплексной механизации сельскохозяйственных работ, а также целый ряд других

мероприятий, которые должны были обеспечить рост производительности труда.

На втором этапе второй фазы агроперехода стал осуществляться комплекс различных интенсивных систем земледелия – зернопаровая, зернопропашная, зернотравяная, культурно-мелиоративная, почвозащитная, пропашная, улучшенная зерновая и др. С начала 1980-х гг. внедряются зональные системы земледелия, в которых все звенья – севообороты, способы обработки почвы и посевы, удобрения, уничтожение сорняков, борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений – должны были учитывать почвенно-климатические условия и материально-техническую базу хозяйств.

Важным моментом перехода к интенсивным системам полеводства была разработка в 1981 г. программы по выработке научно обоснованной системы земледелия. Она включала агрономическую характеристику природных условий, почвенно-климатическое и эрозийное районирование; направление, масштабы, темпы специализации и концентрации сельскохозяйственного производства; севообороты, структуру посевных площадей и их совершенствование.

За 1953 – 1990 гг. посевные площади по России увеличились на 21,2 %, при этом до 1976 г. фиксировался рост на 30,6 %, а затем произошло сокращение на 7,2%. Посевы зерновых культур сократились на 7,4 %, однако, достаточно заметным оказался рост их урожайности: с 7,1 ц с га в 1953 г. до 19,5 ц с га в 1990 г. (в 2,7 раза) [59, с. 177, 500].

Объем капиталовложений в аграрную сферу во второй половине 1960-х гг. возрос почти в 2 раза. В результате расширился машинно-тракторный парк колхозов и совхозов. На полях появились новые марки техники: трактор Т-100М, Т-130, комбайны “Нива”, “Колос”, “Сибиряк”, которые позволили повысить производительность труда в 1,5 – 2,5 раза. Несмотря на заметное увеличение техники не хватало, чтобы полностью обеспечить потребности хозяйств, часть работ, особенно в овощеводстве и животноводстве, выполнялись вручную. Трудности возникали с ремонтной базой хозяйств, так как

поставляемые централизованным порядком техника и запасные части часто не соответствовали нуждам колхозов и совхозов, несогласованная деятельность отделений “Сельхозтехники” сводила к минимуму все преимущества механизации.

Активно продолжалась электрификация деревни. Подавляющая часть сел к 1980-м гг. была обеспечена электричеством. Потребление электроэнергии в деревне возросла в несколько раз. Все шире электроэнергия использовалась в производстве, особенно в самой трудоемкой отрасли – в животноводстве.

Мероприятия по мелиорации активно осуществлялись и последующие 1970– 80-е годы. Однако они привели к неоднозначным последствиям. Наиболее серьезной проблемой стало нарушение экологического водного баланса.

Крупные системные меры в сельском хозяйстве привели к заметным положительным сдвигам. А.А. Никонов приводит следующие данные о расширении масштабов капитальных вложений, наращивании объемов сельскохозяйственного производства: внесение минеральных удобрений увеличилось с 2,2 кг на га в 1960 г. до 97,5 кг в 1990 г.; площадь орошаемых земель за это время выросла в 2,3 раза; площадь осушенных земель – в 2,2 раза; энерговооруженность труда увеличилась с 5,7 л.с. на человека до 28,8 л.с.; колоссально выросла электровооруженность труда с 160 кВт. часа на человека до 4855 кВт. часа (рост в 30,3 раза) [56, с. 315].

Прогресс в области сельского хозяйства оказался результатом комплекса мер по модернизации аграрной сферы: интенсификация ряда отраслей, увеличение капиталовложений, специализация хозяйств, а также благодаря расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, тем экономическим стимулам, которые были заложены в заготовительной политике, планировании, налогообложении. С начала 1970-х гг. однако вновь усиливаются процессы, связанные с централизацией и администрированием, экономические рычаги вновь заменяются привычными для системы методами “борьбы за повышение производительности труда”, что отразилось на состоянии сельского хозяйства.

Уже с середины 1970-х годов темпы роста сельскохозяйственного производства стали падать. Определенную роль в этом сыграли неблагоприятные условия, но главная причина спада – истощение внутренних ресурсов аграрной экономики, в которой сохранялась экстенсивность.

Одной из серьезных проблем, негативно влиявших на аграрный сектор, было сокращение трудоспособного сельского населения. На протяжении второй половины XX века общая численность селян и их доля в общей численности населения неуклонно сокращались.

Наиболее активно численность селян сокращалась в 1960 – 70-е гг., когда миграции из сельской местности становятся особенно интенсивными вследствие проводимой государством политики сселения “неперспективных” деревень. Крупные поселения, расположенные в зоне агломераций, все более плотно интегрировались в городскую среду, хотя и сохраняли свою сельскохозяйственную направленность, однако образ жизни и элементы инфраструктуры этих поселений приобретали урбанизированные черты [49, с. 271].

Одновременно происходила деформация половозрастной структуры сельского населения. Очень заметно было увеличение доли и абсолютного числа лиц пожилого возраста. Сокращалась доля молодежи и детей. Это было связано как с сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни, так и с миграциями населения, в результате которых село покидали, прежде всего, люди молодого возраста.

Повышенная миграционная активность молодежи до 20 лет, как правило, была связана с желанием продолжить образование, поскольку в сельской местности возможностей для этого практически нет. Для юношей одной из причин отъезда была необходимость службы в армии. Для старших возрастных групп на первом месте среди причин отъезда из села стояли неудовлетворенность условиями труда и уровнем заработной платы, которые существенно уступали городским, а также бытовыми условиями. Кроме того, для тех, кто успел обзавестись семьей и детьми, определенную роль играли отсутствие или отдаленность детских дошкольных учреждений

и школ. Не последнюю роль среди причин миграций играл и более низкий, чем в городе, уровень медицинского и культурного обслуживания.

Структура основных причин, приводивших к отъезду из сельской местности, в 1950 – 80-е гг. изменялась. Если в 1950 – 60-е гг. основными проблемами на селе считались низкий уровень оплаты труда, то в 1970 – 80-е гг. все чаще на первый план выходили тяжелые условия труда и более низкий уровень жизни в сельской местности по сравнению с городом. Это свидетельствовало о распространении в среде сельского населения городских стандартов жизни.

Обезлюдение деревень привело к тому, что уже с 1950-х гг. в отдельных областях для сельскохозяйственных работ, особенно в период уборки, стали привлекать горожан. В 1970 – 80-е гг. это стало повсеместным явлением, превратившимся в своего рода “повинность” города перед деревней. Шефствующие над колхозами и совхозами предприятия и организации в обязательном порядке должны были присылать работников на прополку, уборку урожая, сенокос и другие сельскохозяйственные работы.

Бюджетные обследования крестьянских семей показывают, что на Среднем Урале около 12% сельских семей придерживались традиционно-крестьянского образа жизни, они были ориентированы, главным образом, на личное хозяйство, оно было основным источником их существования. К этой категории относились в основном пожилые семьи, одинокие старики и частично неполные семьи [46, с. 160].

Основная масса сельских семей (около 70%) вели образ жизни, который можно назвать колхозно-крестьянский. В этих семьях доходы от личного хозяйства и от общественного производства в бюджете были примерно равнозначны и в равной степени участвовали в его формировании. Приусадебное хозяйство этих семей было многоотраслевым с обязательным содержанием на своем подворье крупного рогатого скота, свиней и овец.

В 1960-е гг. в деревне выделяется еще одна категория семей, образ жизни которых определяется как сельско-

урбанистический (их удельный вес составлял около 20%). К ним относились семьи высокооплачиваемых работников колхозов и совхозов – специалистов, административно-управленческого аппарата, механизаторов, частично животноводов. Получая высокий денежный доход от работы в общественном производстве, они уже не зависели в такой степени как остальные крестьяне от личного приусадебного хозяйства, поэтому оно приобретает для них характер подсобного, вспомогательного производства. В первую очередь эти семьи отказываются от наиболее трудоемкой отрасли – разведение крупного рогатого скота. Именно в это среде быстрее прививаются стандарты городской культуры и городского образа жизни. Этот слой сельских жителей и выступает на данном этапе агроперехода носителями трансформационных изменений.

Тормозом трансформации выступали слаборазвитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни.

К середине 1970-х гг. в экономике все сильнее стали ощущаться диспропорции в развитии сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей промышленности. Быстрый рост городского населения привел к обострению проблемы снабжения продуктами питания. В городах, крупных промышленных центрах дефицит молочных, мясных продуктов стал постоянным явлением, несмотря на определенные успехи развития сельского хозяйства в восьмой и девятой пятилетках.

Проблема интенсификации аграрного производства по-прежнему оставалась актуальной, только таким путем можно было решить продовольственную проблему. Интенсификации сельского хозяйства уделялось много внимания в решениях правительства. Интенсификация сельского хозяйства понималась как комплекс мер: механизация, мелиорация, химизация, кооперация и интеграция производства, увеличение капиталовложений, которые должны были качественно изменить аграрное производство и поднять его на новый уровень. Однако эти мероприятия реализовывались на практике путем проведения кампаний по принципу: чем больше, тем

лучше, нанося скорее вред, чем пользу. Так было с мелиорацией земель, бездумным применением химических удобрений и ядохимикатов, поголовной кооперацией и интеграцией хозяйств, приведшей к созданию огромного административного аппарата, на содержание которого шло гораздо больше средств, чем полученные хозяйствами доходы от кооперации.

Интенсификация сельскохозяйственного производства требовала крупных капиталовложений. Значительная их часть была направлена на строительство, реконструкцию и расширение животноводческих комплексов и ферм, на машины и оборудование. Количество тракторов в хозяйствах увеличилось на треть. Несмотря на увеличение техники, хозяйства ни технически, ни технологически не были готовы перейти на интенсивные технологии, на интенсивные методы производства. Уровень использования имевшейся техники был крайне низким.

Интенсификация сельскохозяйственного производства развивалась по затратному принципу. Внедрение интенсивных технологий в земледелие сопровождалось чаще всего истощением плодородия почвы, разрушением ее структуры. Внедрение интенсивных технологий сдерживалось недостаточной квалификацией кадров, несовершенством системы агрохимического и технического обслуживания, отсутствием необходимого набора техники.

Часть промышленных животноводческих комплексов, построенных в 1970-е гг., не отвечали требованиям технологии интенсивного производства. На многих из них по сравнению с окружающими хозяйствами снизилась продуктивность, возросли затраты кормов и себестоимость продукции.

Наиболее отчетливо провал политики интенсификации сельскохозяйственного производства прослеживается при анализе показателей производительности труда в колхозах и совхозах. За 1961 – 1982 гг. среднегодовые темпы ее прироста по хозяйствам страны составили 3,4%. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. производительность труда практически не росла. Такие темпы роста не могли обеспечить устойчивый прогресс в сельскохозяйственном производстве [7, с. 427, 440].

Одним из направлений интенсификации в этот период было развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В 1970 – 1980-е гг. были созданы специализированные совхозы, животноводческие комплексы, птицефабрики и другие предприятия, где широко внедрялась промышленная технология. Эти формы организации производства позволили повысить выпуск продукции, снизить ее себестоимость и затраты труда в несколько раз.

Однако вскоре стали появляться проблемы, возникавшие при форсировании и экономической необоснованности интеграционных связей. Между пайщиками возникали разногласия по вопросам обеспечения ресурсами, распределения прибыли. В результате уже в одиннадцатой пятилетке началось массовое расформирование межхозяйственных предприятий. К 1985 г. в РСФСР насчитывалось 4327 межхозяйственных объединений, из них только 183 предприятия в животноводстве и 23 птицефабрики [7, с. 440].

Проводимая аграрная политика не давала видимых результатов. В 1982 г. была принята Продовольственная программа, которую можно рассматривать как открытое признание кризиса, сложившегося в сфере производства продуктов питания [8]. В программе констатировались недостатки развития сельскохозяйственных отраслей, и предлагался комплекс мер, направленных на преодоление кризисной ситуации. Производство продуктов питания предполагалось увеличить к 1990 г. увеличить в 2,3 – 2,5 раза. Основное внимание при этом уделялось формированию и развитию агропромышленного комплекса, предусматривались меры по дальнейшей механизации сельскохозяйственного производства, химизации, улучшению кормовой базы животноводства, использованию новых интенсивных технологий, а также стимулирование материальной заинтересованности сельских тружеников в своем труде.

Большие надежды возлагались на агропромышленный комплекс, который был призван ускорить интенсификацию сельскохозяйственного производства, уменьшить потери урожая, улучшить переработку продукции. Агропромышленный

комплекс представлял собой сложное территориальное межотраслевое формирование, которое включало в себя: сельскохозяйственные предприятия; промышленные отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье; отрасли, производящие средства производства для сельского хозяйства; сельскохозяйственную инфраструктуру и капитальное строительство.

АПК имел сложную иерархическую структуру и достиг весьма внушительных масштабов. Низший или элементарный уровень АПК выступал в виде одного сельскохозяйственного или промышленного предприятия (колхоз-завод, птицефабрики и т.д.). Несколько элементарных АПК объединялись в локальный агропромышленный комплекс, как правило, с учетом границ административных районов. Так создавались районные агропромышленные объединения (РАПО). Они помимо колхозов и совхозов, находящихся на территории района, включали в свою структуру ремонтные, обслуживающие, снабженческие предприятия “Сельхозтехники”, организации “Межколхозстрой”, Минводхоза, мясомолочной промышленности и другие предприятия, имевшие непосредственное отношение к сельскому хозяйству.

В начале 1986 г. завершился процесс создания областных агропромышленных комитетов, координировавших деятельность локальных АПК, а также межобластных (например, Уральское Нечерноземье), республиканских и общесоюзного АПК. Республиканский и союзный агропромышленный комитеты объединяли министерства сельского хозяйства, мясной и молочной промышленности, пищевой промышленности и т.д. Таким образом, в результате всех этих организационных преобразований был создан огромный административный аппарат, который не только не в состоянии был сбалансировать и скоординировать развитие сельского хозяйства и промышленных отраслей, обеспечить внедрение новых технологий, а стал дополнительным тормозом, поглощая огромные средства. Во взаимоотношениях между партнерами по АПК отразилось неравномерное положение сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Если

колхозы и совхозы несли убытки, то предприятия “Сельхозтехники”, объединения молочной и мясной промышленности получали прибыль [78, с. 12].

В условиях нехватки продовольствия вновь были приняты меры, направленные на создание более благоприятных условий для развития приусадебных личных хозяйств. Улучшилось их обеспечение строительными материалами, минеральными удобрениями, средствами малой механизации. Колхозы и совхозы могли заключать договоры с крестьянскими хозяйствами по выращиванию и закупке скота и птицы. Принятие Продовольственной программы способствовало тому, чтобы каждая семья, проживавшая на селе, могла иметь огород, скот и птицу. Чтобы стимулировать сдачу мяса и молока, потребкооперация практиковала встречную продажу наиболее дефицитных товаров – автомобилей, мотоциклов, ковров.

В пригородных зонах стало популярным садоводческое движение. Садоводам предоставлялся кредит до 3000 рублей с погашением в течение 10 лет, который они могли использовать для строительства садовых домиков, обустройства участков. Тысячи горожан занялись огородничеством и садоводством. Однако власти оказались непоследовательными, уже в 1984 г. вышло постановление, которое ограничивало строительство на приусадебных участках: садоводам разрешалось возводить только одноэтажные домики площадью до 25 кв. м, неотопливаемые теплицы. В 1985 г. садоводческие кооперативы пережили тяжелые времена – бульдозерами сносились бани, демонтировались уже построенные вторые этажи домиков, уничтожались культуры, выращивание которых не предусматривалось постановлением. Тем не менее, коллективное садоводство продолжало активно развиваться, обеспечивая горожан овощами, ягодами, фруктами, картофелем.

Тенденция спада сельскохозяйственного производства получила свое дальнейшее продолжение в 1985 – 2000 гг. В экономике страны нарастали внутренние противоречия, ресурсы административно-командной системы истощались, поток нефтедолларов уже не мог компенсировать затратный характер

производства. Необходимость радикальных преобразований становилась все более очевидной. На XXVI съезде КПСС была предложена программа ускорения экономического развития страны, в которой предусматривались некоторые меры интенсификации экономики. Съезд положил начало бурному и противоречивому периоду, получившему название “перестройка” и последующим реформам, изменившим государственное, политическое устройство страны и ознаменовавшим переход к рыночной модели экономики [5].

Таким образом, с середины 1950-х годов в СССР реализовывалась новая аграрная модель. Это не означало резкого разрыва с прежней аграрной моделью, сложившейся в 1930 – 50-е гг. и частично трансформированной на рубеже 1950 – 60-х гг., поскольку новые черты аграрной политики сочетались с сохранением ее принципиальных теоретических и политических основ. Вместе с тем она представляла собой альтернативу сталинской политики раскрестьянивания деревни и экспериментированию конца 1950 – начала 1960-х гг. На этой фазе агроперехода осуществлялся поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям и требованиям НТР. В этой связи аграрный курс 1965 г. стал попыткой реформирования советского аграрного сектора, призванной не только обеспечить повышение темпов развития сельскохозяйственного производства, но и выработать конкурентоспособную социалистическую альтернативу буржуазно-фермерскому пути аграрной эволюции.

На этой фазе агроперехода учитывались некоторые тенденции развития современных производительных сил (усиление процесса концентрации производства и капитала, возрастание роли государственного регулирования, интенсификация производства, интеграция отраслей в рамках АПК и др.). Однако недооценивались или вообще игнорировались некоторые особенности современного этапа НТР (резкое возрастание социальных и экологических факторов развития сельского хозяйства, ускоренное формирование производственной инфраструктуры АПК, широкое применение компьютерной техники, биотехнологии и др.), специфика

аграрных отношений и широко признанные в мире принципы экономической деятельности в аграрном секторе (развитие рыночных механизмов, функционирование аграрной экономики как совокупности предприятий различного уровня концентрации и форм собственности, широкое развитие кооперации).

На этой фазе агроперехода аграрная модель эволюционизировала от попыток внедрения элементов товарно-денежных отношений в плановую систему во второй половине 1960-х гг. через усиление администрирования, централизма и директивности к полному игнорированию рыночных регуляторов аграрной экономики. Эволюция хозяйственного механизма в аграрной сфере до второй половины 1980-х годов носила антирыночный характер.

В ходе аграрной модернизации 1960 – 80-х годов не удалось избежать ошибок, драматических коллизий, деформаций. Однако шаги в аграрной области на этой фазе агроперехода не сводятся только к раскрестьяниванию, как считают некоторые исследователи. Реальный аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер. Аграрная политика характеризовалась отсутствием прямого насилия над крестьянами, постепенной активизацией социального строительства на селе, усилением материального стимулирования, поощрением личных подсобных хозяйств, мерами аграрного протекционизма [54, с. 189].

В целом же аграрное развитие 1950 – 80-х годов отличалось, с одной стороны, запаздыванием с проведением давно назревших преобразований, с другой – форсированными скачками и стремлением повсеместно и быстро внедрить то или иное “новшество”. Результатом подобной политики стало нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство, будучи одной из болезненных точек экономики, оказалось в центре социально-экономических преобразований. Главное достижение этого периода – это осознание катастрофического положения, в котором оказалась страна, понимание необходимости использования рыночных

принципов регулирования для создания эффективной модели экономики.

В 1990 г. приняты законы “О собственности в РСФСР” (27 декабря), “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” (22 ноября), “О земельной реформе” (23 ноября) [1]. Эти законодательные акты создали основу для развития многоукладности в аграрной сфере, затронув не только формы организации производства, но и отношения собственности на землю, средства производства, а также способы регулирования хозяйственных процессов.

До 1990 г. в организационном плане основу аграрной экономики составляли колхозы, совхозы, различного рода объединения в виде агрофирм, реализующие идею агропромышленного комплекса. В целом по России в 1987 г. насчитывалось 12,4 тыс. колхозов и 12,8 тыс. совхозов. К 1990 г. количество колхозов и совхозов несколько возросло и составило, соответственно, 12,9 тыс. и 13,0 тыс., одновременно государственной статистикой было зафиксировано 67 агрофирм [6, с. 392].

Общий спад экономики отразился и на состоянии аграрной сферы. Остро в этот период встал вопрос о совершенствовании материально-технической базы колхозов и совхозов. Хозяйства не устраивала устаревшая техника, которая не обеспечивала качественную обработку почвы и уборку урожая без потерь. Все сильнее обострялись проблемы обеспечения сельскохозяйственной техники запасными частями и горючим. Для решения возникавших вопросов хозяйства стремились привлечь внутренние ресурсы, связанные, прежде всего с изменением форм организации труда, с внедрением хозяйственного расчета и материальной заинтересованности работников. С 1985 г. стал пропагандироваться коллективный и семейный подряд. В конце 1988 г. 43% колхозов и совхозов РСФСР применяли арендный подряд, а к 1990 г. их число возросло до 62%. Опыт применения арендных форм организации труда при условии их тщательного экономического обоснования, дал хорошие результаты. Успехи отдельных арендных коллективов не могли оказать принципиального влияния на положение дел в сельском хозяйстве. Развитие

арендных отношений наталкивалось на многочисленные препятствия со стороны руководителей совхозов и колхозов, аппарата Агропрома, финансовых органов, которые тормозили распространение этого опыта.

Развитие идеи семейного арендного подряда готовило почву формирования фермерского движения. Создание фермерских хозяйств проходило различными путями. Один из них – это расширение личных приусадебных хозяйств, главным образом, за счет накопленных сбережений и опыта, используя договорные формы сотрудничества с колхозами и совхозами. При всех положительных сторонах этого варианта, семей, которые имели возможность на свои средства организовать товарное производство, оказалось очень мало. Наиболее распространенный вариант фермеризации – это использование ссуды и помощи предприятий.

Первый опыт деятельности фермерских хозяйств высветил проблемы, от решения которых зависела их дальнейшая судьба. Это – слабая техническая и финансово-экономическая база, отсутствие правовой и организационной поддержки со стороны властей, противодействие чиновников на местах, немаловажное значение имели и психологические факторы, так как нередко вокруг фермеров создавалась атмосфера недоверия, недоброжелательности, зависти со стороны окружающих их соседей.

Большой удар по процессу фермеризации нанесла либерализация цен и высокие темпы инфляции, которые установились в экономике с 1992 г. Чтобы построить необходимые жилые и производственные объекты, приобрести технику, необходимы были средства, которых не было ни у фермеров, ни у государства. Техника, необходимая для фермерских хозяйств, промышленность только начала выпускать и стоила она очень дорого. С другой стороны, небольшие земельные наделы фермеров не могли обеспечить эффективность производства. Неслучайно, что часть фермеров свои небольшие земельные участки стали сдавать в аренду промышленным предприятиям и частным лицам, в результате земли засорялись и истощались. Летом 1993 г. в России

насчитывалось 258,1 тыс. крестьянских хозяйств со средним наделом в 42 га. Владея 3,9% пашни, они произвели только 0,9% валовой продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении [58, с. 90].

Законодательные акты 1990 г. о собственности и о земле положили начало глубокой организационной перестройке аграрного сектора. Наряду с фермерскими хозяйствами стали меняться организационно-правовые формы колхозов и совхозов. Фактически произошло разрушение колхозно-совхозной системы. Колхозы и совхозы на протяжении всей своей истории не смогли обеспечить необходимый уровень развития аграрного производства. Они функционировали в рамках определенной экономической системы, которая развивалась под давлением идеологических и политических доктрин без учета экономических закономерностей. В рамках такой системы любые формы организации производства – колхозы, совхозы, фермерские и личные хозяйства – не могли быть эффективны. Они реализовали свой потенциал настолько, насколько это позволяла сделать система.

Основным направлением аграрных преобразований была реорганизация колхозов и совхозов на принципах акционирования и коллективно-долевой собственности. Традиция кампанейского подхода сохранились. В ходе реорганизации колхозов, государственных сельхозпредприятий, развития фермерского движения возникли и функционировали следующие формы хозяйствования: крестьянские (фермерские) хозяйства; ассоциации крестьянских хозяйств; колхозы и сельскохозяйственные кооперативы; акционерные общества закрытого и открытого типа; государственные предприятия и личные подсобные хозяйства жителей села.

Значительная часть колхозов и совхозов трансформировалась в коллективно-долевые хозяйства, в которых каждому работнику выделялся пай в натуральном (гектарах) и денежном (акции) выражении. Предполагалось, что, став собственниками, бывшие колхозники и бывшие рабочие совхозов станут лучше трудиться, но опыт деятельности “новых” предприятий в целом опровергнул эти надежды.

Разрушение колхозно-совхозной системы в ее традиционном варианте, экономический кризис, который охватил страну в первой половине 1990-х гг., головокружительные темпы инфляции многократно усилили спад сельскохозяйственного производства, поставили крестьянство в тяжелые условия. Только за 1990 – 1992 гг. поставки тракторов российскому сельскому хозяйству сократились на 39%, комбайнов - на 35%, грузовых автомобилей – на 52%, минеральных удобрений – на 56%. В 1992 г. в расчете на 1 га пашни было внесено 40 кг минеральных удобрений, т.е. в 2,6 раза меньше, чем в 1987 г. и в 10 – 12 раз ниже нормы, принятой в развитых государствах. Нехватка техники и важнейших ресурсов вела к нарушению технологии и снижению производства сельскохозяйственной продукции. Уже в 1992 г. по сравнению с 1990 г. производство продуктов питания (в стоимостном выражении) упало на 19% [58, с. 166, 169]. Началась крупномасштабная закупка продовольствия за границей, в результате чего отечественные товары в продуктовых магазинах стали вытесняться импортными.

Аграрная политика, проводимая правительством с 1991 г., предусматривала крупные финансовые вложения в сельское хозяйство и выделение дешевых кредитов. Однако средства были использованы не для целевого финансирования села, а в коммерческих целях. Практика, когда выделенные правительством деньги не доходят до сельских тружеников, стала в 90-е гг. постоянным явлением. Задержки по платежам за уже сданную государству продукцию, стали хроническими, подрывая окончательно экономику села. Ситуация усугублялась сохранявшейся диспропорцией цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, особенно выросли цены на технику. Для того чтобы приобрести один комбайн, хозяйству необходимо продать целую ферму. Сельское хозяйство по-прежнему оставалось в неравноправных экономических условиях, не обеспечивавших расширенного воспроизводства.

Экономический кризис 1990-х гг. проявился в первую очередь в резком спаде сельскохозяйственного производства. Посевные площади в России сократились с 1990 г. по 1998 г. на

22,5%, валовой сбор зерновых в хозяйствах всех категорий сократился в 2,4 раза, урожайность зерновых с 19,5 ц с га упала до 12,9 ц с га [59, с. 177, 500]. Такого резкого снижения сельскохозяйственного производства в мирных условиях XX века не наблюдалось. Спад производства сопровождался нарушением агротехнологий, засоренностью и истощением земель.

Упор в аграрной политике только на получение сельскохозяйственной продукции, в конечном счете, привел к естественному фазовому спаду сельскохозяйственной отрасли. В тех отраслях аграрной сферы удалось быстрее приостановить падение, где были предприняты усилия по сохранению интенсивных технологий. В свердловской области интенсивные технологии наибольшее развитие получили в выращивании картофеля и овощей, а также в животноводстве.

Развитие интенсивных систем земледелия в условиях продолжающегося аграрного кризиса остановлено. Часть сельхозпроизводителей возвратилась к традиционным, архаичным системам земледелия. Переход к интенсивным системам земледелия в очередной раз отложен. Отложено и завершение аграрного перехода.

В 1990-е гг. – третья фаза аграрного перехода - в условиях перехода к рыночным отношениям проблема продовольственной безопасности отдельных регионов и страны в целом превратилась в стратегически важную. Особенно острое звучание она приобрела в условиях кризиса сельскохозяйственного производства, который обусловил высокий уровень зависимости от поставок продовольствия из-за границы. Таким образом, ни на первой, ни на второй фазах агроперехода полностью решить проблему полного обеспечения населения продовольствием не удалось.

Интенсивность процесса аграрной модернизации представлена в таблице.

**Интенсивность аграрного перехода в России
(конец XIX – начало XX века)**

Составляющие аграрного перехода	Первая фаза			Вторая фаза		Третья фаза
	конец XIX в. - 1917	1917 - 1929	1930 - 1953	1953 - 1965	1965 - 1980	1991 – начало XXI века
I. экономическая						
- утверждение частной собственности на землю	+					+
- внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий	+		+	+	+	
- внедрение интенсивных систем земледелия			+	+	+	
- внедрение научных достижений в сельскохозяйственное производство			+	+	+	
- использование новых орудий труда и сельскохозяйственной техники	+		+	+	+	
- сельская электрификация		+	+	+		
- развитие рыночных отношений						+
- развитие кооперации	+	+				+
II. демографическая						
- изменение типа воспроизводства				+	+	
- ломка патриархальной семьи и формирование городской семьи			+	+		
- массовое перемещение селян	+	+	+	+	+	

III. культурная - преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда	+	+	+			
- внедрение грамотности	+	+	+			
- распространение городской культуры и городских ценностей			+	+	+	+
- секуляризация сознания и образа жизни			+	+		
IV. политическая - демократизация общественно-политической жизни		+	+	+	+	+
- участие крестьянства: в революциях	+					
в движениях	+	+		+	+	+
в партиях	+	+	+	+	+	+
- выдвижение самостоятельных лозунгов и требований	+	+				
V. социальная - формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий		+	+	+		
- механизаторов			+	+	+	+
- специалистов			+	+	+	+
- пенсионное обеспечение				+	+	+
- бесплатное медицинское обслуживание		+	+	+	+	+
- бесплатное образование		+	+	+	+	+
VI. сельское расселение - трансформация поселений			+	+	+	

- ликвидация сельских поселений				+	+	
VII. система продовольственной безопасности						
- голодовки сельского населения	+	+	+			
- формирование запасов продовольствия:						
-на уровне семьи, двора	+	+				
общины	+					
государства			+	+	+	+

Региональные аграрные сообщества вступили в XXI век с грузом нерешенных проблем, однако перспективой аграрного развития оставалось завершение аграрного перехода, завершение модернизации сельского хозяйства.

ИСТОЧНИКИ

1. Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26, ст. 324; ст. 327; № 30, ст. 416.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т. 6. М.: Политиздат, 1971. 528 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т. 7. М.: Политиздат, 1971.558 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т. 8. М.: Политиздат, 1972. 568 с.
5. Материалы XXVI съезда КПСС. М. Политиздат, 1981. 223 с.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 426 с..
7. Народное хозяйство в СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М.: Госкомстат СССР, 1991. 607 с.
8. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 года. М.: Политиздат, 1984. 112 с.

ЛИТЕРАТУРА

9. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: УрГИ, 2004. 643 с.

10. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2009. 632 с.

11. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930 – 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. №7. С. 23 – 44.

12. Безнин М.А., Димони Т.М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве // Отечественная история. 2005. №6. С. 94 – 121; Безнин М.А., Димони Т.М. Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Изд-во ВГПУ, 2012. 100 с.

13. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х - начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 580 с.

14. Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ./ Сост. Т. Шанин. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.

15. Данилов В.П. Аграрная реформа и крестьянство в России (1861 – 1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. Материалы XXIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Москва, 27 – 30 сентября 1994 г. М., 1995.

16. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861 - 2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002.

17. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке: избр. тр. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: Выцлан М. А. [и др.] ; сост.: Выцлан М. А., Данилова Л. В.,

Данилова Е. В. М.: РОССПЭН, 2011. 861 с.; Ч. 2. 831 с. [

18. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Екатеринбург: УрО РАН, 1991. 195 с.

19. Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929 – 1933 гг.). Тамбов: ТГТУ, 2005. 120 с.

20. Есиков С.А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX-XXI вв.: эволюция и кризисы: сб. статей. Оренбург: РЦРО, 2009.

21. Есиков С.А. "Бухаринская альтернатива" сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции (г. Москва, 5-7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011.
22. Есиков С.А. Был ли нэп "крестьянским раем"? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции (г. Екатеринбург, 29 сентября - 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011.
23. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
24. Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002.
25. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921 – 1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.
26. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 346 с.
27. Ильиных В.А., Андреев С.Н., Рышков В.М. и др. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.
28. Колхозная жизнь на Урале. 1935 – 1953 / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.
29. Кондрашин В.В. В. П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественная история. 2012. № 6. С. 37–44.
30. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М., Изд-во "Янус-К.", 2001. 544 с.
31. Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара – Пенза: СамГУ, 2002. 432 с.
32. Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 гг. в российской деревне. Пенза: ПГПУ, 2003. 366 с.
33. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов. Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 520 с.
34. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОСПЭН, 2009. 575 с.

35. Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.
36. Кондрашин В.В. Люди во времени: записки историка. Пенза - Саранск, 2012. 552с.
37. Kondrashine Victor. La famine en URSS. 1929—1934. Paris: AENREE, 2013. 384 p.
38. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1934 гг.). М., 2014. 375 с
39. Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 546 с.
40. Корнилов Г.Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1/ под ред. под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: М.: Наука, 2002.
41. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Токио: CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, 2005.
42. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург – М.: Академкнига, 2004.
43. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. Вып. 1 / отв. ред. В.П. Данилов, Т. Шанин. М.: Аспект пресс, 1996.
44. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов: Интерцентр, Госархив Тамбов, обл., 1994. 334 с.
45. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917 – 1932 гг.). Оренбург: ОРЛИТ-А, 2004. 676 с.
46. Мазур Л.Н. Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала. Дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 1992.
47. Мазур Л.Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 1950-х годов // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Екатеринбург, 1992. .
48. Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 564 с.

49. Мазур Л.Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке. Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 160 с.
50. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX-XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 471 с.
51. Мальцев Т.С. Система безотвального земледелия. М.: Агропромиздат, 1988. 128 с.
52. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940 – 1959 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: ИРИ РАН, 2001. 103 с.
53. Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965 – 1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону: «Гефест», 1996.
54. Наухацкий В.В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965 – 2000. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2003. 199 с.
55. Наухацкий В.В., Кабанов А.Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965 – 1991 гг. Ростов-на-Дону: Издательство РГЭУ, 2005. 275 с.
56. Никонов А.А. Спираль многовектовой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
57. Отечественная история. 1992. №5; 1993. №2, 6; 1994. №2, 4-5; и др.
58. Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. Никоновские чтения. М.: Изд-во «Энциклопедия российских деревень», 2000.
59. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900 – 2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М.: Наука, 2006. 587 с.
60. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
61. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
62. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. – 864 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.

63. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939 / под ред. А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова и др. М.: РОССПЭН, 2012. 983 с.
64. Тархова Н.С. Документальные публикации по аграрной истории Урала // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 2 (19).
65. Тархова Н.С. История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет // History of Russian Peasantry in 20-th Century (volume 2). Tokyo, 2004.
66. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
67. Толмачева Р.П. Колхозы Урала. 1959 – 1965. Свердловск, 1987.
68. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Отв. ред. В.П. Данилов. М.: РОССПЭН, 1999. 879 с.
69. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.
70. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 3. Конец 1930–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
71. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 4. 1934–1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.
72. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 г. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.
73. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938 – 1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.
74. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. 2-е изд. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 568 с.; Т. 2. 646 с.
75. Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 453 с.
76. Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: финансирование Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2013. 238 с.

77. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: ссылка раскулаченных. Магнитогорск: МГТУ, 2010. 253с.

78. Шарьгин М.Д., Макарова Т.Г., Свисткова А.М. Агропромышленный комплекс Уральского Нечерноземья. Пермь: Перм. гос. ун-т им А.М. Горького, 1986. 67 с.

УДК 94(470.54-25):614.21(470.54-25) (091)

ББК ТЗ (235.55)521+Пр

ВАК 07.00.02

Черноухов Эдуард Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д.26; e-mail: echernoukhov@vandex.ru

МЕДИЦИНСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1824 Г.

Аннотация. Проанализирована подготовка госпиталей и аптек Екатеринбурга и его окрестностей к посещению Александром I в сентябре 1824 года. Внимание императора к медицинской части, его высокая оценка госпитального комплекса Верх-Исетского завода способствовали совершенствованию материально-технической базы горнозаводской медицины Урала.

Ключевые слова: Александр I, Екатеринбург, Верх-Исетский завод, Березовские золотые промыслы, медицинские заведения.

Chernoukhov Eduard, Ph.D. in History, docent, Ural State Pedagogical University, prospectus Kosmonavtov, 26, Yekaterinburg, Russia.

MEDICAL INSTITUTIONS OF YEKATERINBURG AND THE SURROUNDING AREAS IN 1824

Abstract. Author has analyzed the training hospitals and pharmacies in Yekaterinburg and the surrounding areas to visit Alexander I in September 1824. Emperor's attention to the medical institutions, his high valuation to hospital complex Verh-Isetsky factory helped to improve the material and technical base of the mining Ural medicine.